

О РУССКОМЪ ПРАВОПИСАНИИ.

Дивное орудіе создалъ себѣ русскій народъ, — орудіе мысли, орудіе душевнаго и духовнаго выраженія, орудіе устнаго и письменнаго общенія, орудіе литературы, поэзіи и театра, орудіе права и государственности, — нашъ чудесный, могучій и глубоко-мысленный русскій языкъ. Всякій иноземный языкъ будетъ имъ уловленъ и на немъ выраженъ; а его уловить и выразить не сможетъ ни одинъ. Онъ выразитъ точно — и легчайшее, и глубочайшее; и обыденную вещь, и религіозное пареніе; и безысходное уныніе, и беззавѣтное веселье; и лаконическій чеканъ, и зримую деталь, и неизреченную музыку; и ѣдкій юморъ, и нѣжную лирическую мечту. Вотъ что о немъ писалъ Гоголь:

«Дивишься драгоценности нашего языка: что ни звукъ, то и подарокъ; все зернисто, крупно, какъ самъ жемчугъ, и право, иное названіе еще драгоценнѣе самой вещи»... И еще: «Самъ необыкновенный языкъ нашъ есть еще тайна... Языкъ, который самъ по себѣ уже поэтъ»... О немъ воскликнулъ однажды Тургеневъ: «Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, — ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! Нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!»

А новое поколѣніе его не уберегло... Не только тѣмъ, что наполнило его неслышанно-уродливыми, «глухонѣмыми» (какъ выразился Шмелевъ), бессмысленными словами, слѣпленными изъ обломковъ и обмылковъ революціонной пошлости, но еще особенно тѣмъ, что растерзало, изуродовало и снизило его письменное обличіе. И эту искажающую, смыслъ-убивающую, разрушительную для языка манеру писать — объявило «новымъ» «правописаніемъ». Тогда какъ на самомъ дѣлѣ эта безграмотная манера нарушаетъ самые основные законы всякаго языка. И это не пустыя жалобы «реакціонера», какъ утверждаютъ иные эмигрантскіе неучи, а суцая правда, подлежащая строгому доказательству.

* * *

Всякій языкъ есть явленіе не простое, а сложное; но въ этой сложности все въ языкѣ взаимно связано и обусловлено, все слито воедино, все органически сращено. Такъ и вынашиваетъ его каждый народъ, слѣдуя одной инстинктивной цѣли — вѣрно выразить и вѣрно понять выраженное. И вотъ именно эту цѣль революціонное кривописание не только не соблюдаетъ, но грубо и всемѣрно, вызывающе попираетъ.

Языкъ есть прежде всего живой истокъ звуковъ, издаваемыхъ гортанью, ртомъ и носомъ, и слышимыхъ ухомъ. Обозначимъ этотъ звуковой — слуховой составъ языка словомъ «фонема».

Эти звуки въ отличіе отъ звуковъ, издаваемыхъ животными, членораздѣльны: иногда, какъ въ русскомъ, итальянскомъ и французскомъ языкѣ, отчетливы и чеканны, иногда, какъ въ англійскомъ языкѣ неотчетливы, но слитны и расплывчаты.

Членораздѣльность эта подчинена особымъ законамъ, которыми вѣдаетъ грамматика: она различаетъ звуки (гласные и согласные), слоги и слова, а въ словахъ корни и ихъ приращенія (префиксы — впереди корня, аффиксы и суффиксы — позади корня); она различаетъ еще роды и числа, склоненія (падежи), и спряженія (у глаголовъ: времена, числа, наклоненія и виды); она различаетъ далѣе части рѣчи (имя существительное, прилагательное, мѣстоименіе, глаголъ и т. д.), а по смысловой связи словъ — части предложенія (подлежащее, сказуемое, опредѣленіе, дополненіе, обстоятельственныя слова и т. д.). Все это вмѣстѣ образуетъ ученіе о формахъ языка и потому можетъ быть обозначено словомъ «морѣема».

Само собой разумѣется, что и фонема и морѣема служатъ смыслу, который онѣ стараются вѣрно и точно выразить и которымъ онѣ внутренне насыщены. Безсмысленные звуки — не образуютъ языка. Безсмысленные суффиксы, падежи, спряженія, мѣстоименія, глаголы и предлоги, дополненія — не слагаютъ ни рѣчи, ни литературы. Здѣсь все живетъ для смысла, т. е. ради того, чтобы вѣрно обозначить разумѣемое, точно его выразить и вѣрно понять. Человѣкъ даже стонетъ и вздыхаетъ не зря и не безсмысленно. Но если и стонъ его, и вздохъ его полны выраженія, если они суть знаки его внутренней жизни, то тѣмъ болѣе его членораздѣльная речъ, — именуемая, разумѣющая, указующая, мыслящая, обобщающая, доказывающая, рассказывающая, восклицающая, чувствующая и воображающая, — полна живого смысла жизненно драгоцѣннаго и отвѣтственнаго. Весь языкъ служитъ этому смыслу, т. е. тому, что онъ хочетъ сказать и сообщить, и что мы назовемъ «семемою». Она есть самое важное въ языкѣ. Ею все опредѣляется. Возьмемъ хотя бы падежи: каждый изъ нихъ имѣетъ иной смыслъ и передаетъ о предметѣ что-то свое особое. Именительный: — предметъ берется самъ по себѣ, внѣ отношеній къ другимъ предметамъ; родительный: — выражаетъ принадлежность одного предмета — другому; дательный: — указываетъ на приближающее дѣйствіе; въ винительномъ падежѣ ставится имя того объекта, на который направлено дѣйствіе; въ творительномъ падежѣ ставится имя орудія; мѣстный или предложный падежъ указываетъ на обстоятельства и на направленіе дѣйствій. И такъ, дѣло идетъ черезъ всю грамматику...

Къ фонемѣ, морѣемѣ и семемѣ присоединяется, наконецъ, запись: слова могутъ быть не только фонетически произнесены, но еще и начертаны буквами; тогда произносящій человѣкъ можетъ отсутствовать, а рѣчь его, если только она вѣрно записана, можетъ быть прочтена, фонетически воспроизведена и вѣрно понята цѣлымъ множествомъ людей, владѣющихъ этимъ языкомъ. Именно такъ возникаетъ вопросъ правописанія. Какое же «писаніе» есть вѣрное или правое?

Отвѣчаемъ: то, которое точно передаетъ не только фонему, насыщенную смысломъ, и не только морѣему, насыщенную смысломъ, но прежде всего и больше всего самую семему. И скверное, или кривое «писаніе» будетъ то, которое не соблюдаетъ ни фонему, ни морѣему, ни семему. А вотъ именно въ этомъ и повинно революціонное кривописаніе: оно устраняетъ цѣлыя буквы, искажаетъ этимъ смыслъ и запутываетъ читателя; оно устраняетъ въ мѣстоименіяхъ и прилагательныхъ (множественнаго числа) различія между мужскимъ и женскимъ родомъ и затрудняетъ этимъ вѣрное пониманіе текста; оно обезсмысливаетъ сравнительную степень у прилагательныхъ и тѣмъ вызываетъ суція недоумѣнія при чтеніи и т. д., и т. д.

Удостоверимся во всемъ этомъ на живыхъ примѣрахъ.

Вообще говоря, одна единственная буква можетъ совсѣмъ измѣнить смыслъ слова. Напримѣръ: «не всякій совершенный (т. е. сдѣланный) поступокъ есть совершенный (т. е. безупречный) поступокъ» Погасите это буквенное различіе, поставьте въ обоихъ случаяхъ «е» или «о» — и вы утратите глубокой нравственный смыслъ этого изреченія. Онъ сказалъ, что будетъ (т. е. придетъ), да вотъ что-то не будить» (т. е. не прерываетъ мой сонъ). Такое же значеніе имѣетъ и удареніе: его перемѣщеніе ради-

кально мѣняетъ смыслъ слова: «ты дорога мнѣ большая дорога». И такъ вся ткань языка чрезвычайно впечатлительна и имѣетъ огромное смысловое значеніе.

Это особенно выясняется на омонимахъ, т. е. на словахъ съ одинаковой фонемой, но съ различнымъ смысломъ. Здѣсь спасеніе только одно: необходимо различное (дифференцированное) начертаніе. Это законъ для всѣхъ языковъ. И чѣмъ больше въ языкѣ омонимовъ, тѣмъ важнѣе соблюдать вѣрное писаніе. Такъ, французское слово «вэр» обозначаетъ: «червяка» (ver), «стихъ» (vers), «стекло-стаканъ» (verre), «зеленый» (vert) и предлогъ «на, при, къ, около» (vers). Попробуйте «упростить» это разнописаніе и вы внесете въ языкъ идиотскую путаницу. Словомъ «мэр» французъ обозначаетъ «море» (mer), «мать» (mere) и «городского голову» (maire). Словомъ «фэръ» — «дѣлать» (faire), «отдѣлку, мастерство» (faire), «жельзо» (fer) и «щипчики для стекла» (ferre). Словомъ «вуа» — «голосъ» (voix), «дорогу» (voie), «возъ» (voie), «я вижу» (vois), «смотри» (vois). Словомъ «кор» — «тѣло» (corps), «мозоль» (cor), и «волторну или рогъ» (cor). Отсюда уже видно, что различное начертаніе слова спасаетъ языкъ отъ безсмыслицы, а при недостаткѣ его безсмыслица оказывается у порога. Подобное мы находимъ и въ нѣмецкомъ языкѣ. Словомъ «мален» нѣмецъ обозначаетъ «писать красками, воображать» (malen) и «молоть» (mahlen). Но тамъ, гдѣ начертаніе не мѣняется, грозитъ недоразумѣніе: «sein» означаетъ «быть» и (чье?) «его»; «sie» означаетъ «вы» и «она» — и недоразумѣнія, могущія возникнуть изъ этого одного смѣшенія, безчисленны. Нѣмецкое слово «Schauer» имѣетъ пять различныхъ значеній при совершенно одинаковомъ начертаніи, оно обозначаетъ — «портовый рабочій», «созерцатель», «страхъ», «внезапный ливень» и «навѣсъ». Это есть настоящій образецъ того, какъ начертаніе и фонема могутъ отставать отъ смысла, а это означаетъ, что языкъ не справляется со своей задачей.

И вотъ, русскій языкъ при старой орѳографіи побѣдоносно справлялся со своими «омонимами», вырабатывая для нихъ различныя начертанія. Но революціонное кривописаніе погубило эту драгоценную языковую работу цѣлыхъ поколѣній: оно сдѣлало все возможное, чтобы напустить въ русскій языкъ какъ можно больше безсмыслицы и недоразумѣній. И русскій народъ не можетъ и не долженъ мириться со вторженіемъ этого варварскаго упрощенія.

Новая «орѳографія» отмѣнила букву «і». И вотъ, различіе между «міромъ» (вселенной) и «миромъ» (покоемъ, тишиной, невойной) исчезло; за одно погибла и ижица, и православные люди стали принимать «миро-помазаніе» (что совершенно неосуществимо, ибо ихъ не помазуютъ ни вселенной, ни покоемъ).

Затѣмъ новая орѳографія отмѣнила букву «ѣ» и безсмыслица пронеслась по русскому языку и по русской литературѣ опустошающимъ смерчемъ. Неисчислимые омонимы стали въ начертаніи неразличимы; и тотъ, кто разъ это увидитъ и пойметъ, тотъ придетъ въ ужасъ привидѣ этого потока безграмотности, вливающагося въ русскую литературу и въ русскую культуру и никогда не примирится съ революціоннымъ кривописаніемъ (см. «Н. З.» № 167).

Мы различаемъ «самъ» (собственнолично) и «самый» (точно указанный, тождественный). Родительный падежъ отъ «самъ» — «самого», винительный падежъ — «самого». А отъ «самый» — «самаго». «Я видѣлъ его самого, но показалось мнѣ, что я вижу не того же самаго»... (письмо изъ современной Югославіи). Въ кривописаніи это драгоценное различіе гибнетъ: оно знаетъ только одну форму склоненія: «самого»...

Мы склоняемъ: «она», «ея», «ей», «ее», «ею», «о ней». Кривописаніе не желаетъ различать всѣхъ падежей: родит. пад. и винит. пад. пишутся одинаково «ее». «Кто же растопталъ намъ въ саду наши чудесныя клумбы? Это сдѣлала ее коза» (вмѣсто «ея», сосѣдкина коза); безсмыслица. «Я любилъ ее собаку!» Не означаетъ ли это, что женщина была нравомъ своимъ вродѣ собаки, но я ее все-таки не могъ разлюбить; какой трагическій романъ!.. Или это можетъ быть означаетъ, что я охотно игралъ съ ея соба-

ченкой?.. Но тогда надо писать ея, а не ее! «Кто ввелъ у насъ это бессмысленное правописание? Это сдѣлала ее партія» (вмѣсто «ея», партія революціи). Что значитъ фраза: «это ее вещи»? Ничего. Бессмыслица. «Надо видѣть разумность мира и предстоять ее Творцу»... Что это означаетъ? Ничего; весь смыслъ тезиса искаженъ и воцарилась бессмыслица. Разумность міра! Ея Творцу!

Новое кривописание не различаетъ мужской родъ и женскій родъ въ окончаніи прилагательныхъ (множеств. числа) и мѣстоименій. Вотъ два образца создаваемой бессмыслицы. Изъ ученаго трактата: «Въ исторіи существовали разные математики, физики, и механики» (теоріи? люди?!); нѣкоторые изъ нихъ пользовались большою извѣстностью, но породили много заблужденій»... Читатель такъ до конца и не знаетъ, что же, собственно, имѣется въ виду — разныя науки или разные ученые... — Изъ Дневника А. Ф. Тютчевой: «Я всегда находила мужчинъ гораздо менѣе внушительными и странными, чѣмъ женщинъ: «они» (кто? мужчины или женщины?!) «болѣе доброжелательны»... Минуты три ломаетъ читатель себѣ голову — кто же менѣе доброжелателенъ и кто болѣе? И недопонявъ, пытается читать дальше. — Мужчины, просящіе на улицахъ милостыню, суть «нищіе»; а женщины? Онѣ не нищія; они тоже нищія.

Это означаетъ: грамматическое и смысловое различіе падежей и родовъ остается; а орфографическое выраженіе этихъ различій угадывается. Это равносильно смѣшенію падежей, субъектовъ и объектовъ, мужчинъ и женщинъ... Такъ сбываются недоразумѣнія, недоумѣнія, бессмыслицы; умножается и сгущается смута въ умахъ. Зачѣмъ? Кому это нужно? Россіи? Нѣтъ, конечно; но для міровой революціи это полезно, нужно и важно.

Однако, обратимся къ обстоятельному и наглядному исчисленію тѣхъ смысловыхъ ранъ, которыя нанесены русской литературѣ «новой орфографіей». Исчерпать всего здѣсь нельзя; но кое-что существенное необходимо привести.

О НАШИХЪ ОРФОГРАФИЧЕСКИХЪ РАНАХЪ.

Если мы оставимъ въ сторонѣ множество другихъ бессмыслицъ, внесенныхъ такъ называемой «новой орфографіей», а сосредоточимся только на тѣхъ, которыя вдвинуты въ русскую культуру произвольной отмѣной буквы «ѣ», то мы увидимъ слѣдующее. Вотъ типическіе примѣры этого безобразія.

1. Смыслъ: общее воздержаніе въ пищѣ истощило наши запасы.

Правописание: «всѣ ѣли да ѣли, вотъ все и вышло».

Кривописание: «все ели да ели, вотъ все и вышло».

Бессмыслица: преобладаніе хвойныхъ деревьевъ привело къ всеобщему уходу.

2. Смыслъ: мѣловая пыль осталась въ комнатѣ соромъ; пришлось долго подметать.

Правописание: «осѣлъ мѣлъ пылью на полу; я долго мелъ просыпанный мѣлъ».

Кривописание: «осел мел пылью на полу; я долго мел просыпанный мел».

Бессмыслица: мы мели вдвоемъ, сначала осель, потомъ я, а чего ради мы такъ старались — неизвѣстно, источникъ сора не указанъ.

3. Смыслъ: лѣто было теплое и полеты были пріятные.

Правописание: «теплымъ лѣтомъ я наслаждался пріятнымъ летомъ».

Кривописание: «теплымъ летом я наслаждался пріятнымъ летом».

Бессмыслица: когда происходили полеты неизвѣстно, но тепло было пріятно.

4. Смыслъ телеграммы: я ранень, рану залѣчиваю, прибуду на аэропланѣ.

Текстъ въ правописаніи: «лѣчу рану лечу».

Въ кривописаніи: «лечу рану лечу».

Бессмыслица: адресатъ не зналъ, что подумать.

5. Смыслъ телеграммы: продовольствіе найдено, везу его съ собою.
 Правописаніе: «ѣду везу ѣду».
 Кривописаніе: «еду везу еду».
 Безсмыслица: адресатъ долго размышлялъ, потомъ бросилъ телеграмму въ корзину.
6. Смыслъ: надо умѣть не только изучать архивы, но и правильно вести ихъ.
 Правописаніе: Курсы по архивовѣдѣнію и архивоведѣнію».
 Кривописаніе: «Курсы по архивоведению и архивоведению».
 Безсмыслица: Куда же это они хотятъ уводить всѣ архивы?
7. Смыслъ: до звѣзды не полагается ѣсть, а одинъ грѣшный человѣкъ съѣлъ гречневый хлѣбецъ.
 Правописаніе: «Одинъ грѣшникъ не удержался и отвѣдалъ грешничка».
 Кривописаніе: «один грешник не удержался и отведал грешничка».
 Безсмыслица: хлѣбецъ хлѣбца отвѣдалъ? или грѣшникъ предался людоѣдству?
8. Смыслъ: есть ирраціональные пути, ведущіе къ воспріятію Бога.
 Правописаніе: «Богъ познается въ вѣдѣніи и въ невѣдѣніи».
 Кривописаніе: «бог познается в ведении и в неведении».
 Безсмыслица: языческій богъ (с малой букввы) то ведетъ, то не ведетъ, и черезъ это познается.
9. Смыслъ: я не могу указать точно время этого событія, это было когда-то давно.
 Правописаніе: «Скажи, когда же это было?». «Отстань, нѣкогда»...
 Кривописаніе: «Отстань, некогда».
 Безсмыслица: у меня нѣтъ досуга, чтобы отвѣтить на твой вопросъ.
10. Смыслъ: выплакавшись, наверху на лѣстницѣ, онъ уже не плакалъ, когда спустился внизъ.
 Правописаніе: «онъ слѣзь ко мнѣ уже безъ слезъ».
 Кривописаніе: «он слез сюда уже без слез».
 Безсмыслица: слезъ сюда — ничего не значитъ; слезъ безъ слезъ — непредставимо!
11. Смыслъ у насъ имѣется еще продовольствіе...
 Правописаніе: «пока у насъ еще есть, что ѣсть»...
 Кривописаніе: «пока еще у нас есть, что есть»...
 Безсмыслица: мы имѣемъ то, что имѣется въ наличности.
12. Смыслъ: человѣкъ съ горя напился, явно предпочитая шампанское.
 Правописаніе: «и утѣшеніе нашель я въ этой пѣнѣ упоительной».
 Кривописаніе: «и утешение нашел я в этой пене упоительной».
 Безсмыслица: слово «пеня» означаетъ укоръ, штрафъ; какъ утѣшиться упоительнымъ штрафомъ?
13. Смыслъ: въ революціи хуже всего эта всеобщая ненависть и ограбленіе.
 Правописаніе: «если бы не всѣ ненавидѣли, если бы не все отняли, а то всѣ и все».
 Кривописаніе: «если бы не все ненавидели, если бы не все отняли, а то все и все».
 Безсмыслица: составъ ненавидящихъ субъектовъ подмѣненъ составомъ ненавидимыхъ объектовъ; послѣднія слова «все и все» — просто бессмысленны.

Однако, всего не исчислишь. Пусть читатель самъ доберется до смысла въ слѣдующихъ реченіяхъ: «чемъ больше тем, темъ лучше»; «мне не всякій ведомый ведом»; «те ему и говорятъ: вотъ те на!»; «рыбка уже в уже»; «религиозное ведение не чуждо символамъ»; «лесникъ левша лесу взял, лесной волосъ привязал, да в лесу лису за лесного дядю принял и лесу в лесу потерялъ»; «я налево, а слева лев»; «я смело взялся за дело, но ветромъ все уже смело»... Врачъ говоритъ «лечу да поздно»; а летчикъ: «лечу да поздно»... «На горе другихъ цветовъ не было»; «собака на сене лежит, сама не ест и другимъ

не дает» (тутъ, повидимому, опечатка, надо писать Сена или Сеня съ большой буквы, въ первомъ случаѣ надо пожалѣть мокрую собаку, во второмъ бѣднаго Семена). «Стенание за стеной вызвало у меня стеснение в сердце»... Но не довольно ли?

Есть и общія правила. Напримѣръ: слова, начинающіяся съ «нѣ» — ничего не отрицаютъ, а устанавливаютъ только неопредѣленность: «нѣкій, нѣкоторый, нѣсколько, нѣкогда»; а слова, начинающіяся съ «не» — отрицаютъ: «нелѣпый, неграмотный, нечестный, некогда». Еще: вопросы «куда?» и «гдѣ?» требуютъ различныхъ падежей; отмѣна буквы «ѣ» убиваетъ это правило. Куда? «На ложе», «на поле», «въ поле», «въ море» (винит. падежъ). Гдѣ? «На ложѣ», «на полѣ битвы», «въ морѣ» (предложный падежъ). Пуля попала ему въ сердце (вин. пад.); въ его сердцѣ печаль (предл. пад.). Еще: «чѣмъ» есть творительный падежъ отъ «что»; а «чемъ» есть предлож. падежъ отъ «что»; смѣшеніе падежей есть занятіе грамматически разрушительное. Еще: «синѣй» есть сравнительная степень отъ «синій» (волны синѣй стали); «синей» есть родительный падежъ отъ прилагательнаго «синій» (волны синей стали; но развѣ сталь есть образецъ синевы?).

Борьба за букву «ѣ» ведется въ Россіи уже болѣе 300 лѣтъ. Мы будемъ продолжать эту борьбу. Въ 1648 году, въ Москвѣ, съ благословенія церковной власти была издана грамматика, гдѣ въ предисловіи доказывалось, что «необходимо напередъ самимъ учителямъ различать «ять» съ «естемъ» и не писать одного вмѣсто другого», что «грамматическое любуудріе смыслу сердець нашихъ просвѣтительно» и безъ него «кто и мняся вѣдѣти, ничтоже вѣсть», что грамматика есть «руководитель неблаженъ во всякое благочестіе, вождь ко благовидному смотрѣнію и предивному и неприступному богословію, блаженныя и всечестнѣйшія философіи открытіе и всеродное проразумѣніе» (см. Ключевскій: «Очерки и рѣчи», 412).

Этотъ мудрый подходъ къ грамматикѣ объясняется тѣмъ, что въ то время формально-отвлеченная филологія, пренебрегающая главнымъ, живымъ смысломъ языка — еще не выработалась и не успѣла разложить и умертвить культуру слова. Съ тѣхъ же поръ это извращеніе и несчастіе захватило науку языка (какъ и другія науки) и въ результатѣ интересъ къ предметному смыслу уступилъ свое мѣсто соображеніямъ чисто историческимъ (какъ, наприимѣръ, у Я. Грота) и демагогическимъ, какъ у сочинителей новаго кривописанія.

Отъ этого пострадала и страдаетъ вся русская культура. Вотъ доказательства.

Молитва: «Горе имеем сердца» (вмѣсто горѣ, ввысь, кверху, къ Богу). «Мир мирови твоему даруй». «О мире всего мира». «Да празднует же мир, видимый же весь и невидимый».

Богословіе. «Я пришел не судить мир, но спасти мир» (Іоан. 12:47). Исаакъ Сиріянинъ: «миром называю страсти, которые порождаются от парения ума». «Мысль о смерти родит пренебрежение к миру» (тамъ же). «Всеведение Божие». Василій Великій: «Мир есть художественное произведение».

Философія. Всѣ проблемы міра, мірозданія, міровоззрѣнія; микрокосма, макрокосма; знанія и вѣдѣнія и многія другія, съ ними связанныя, обезсмысленны и погибли. Ни одного философа отнынѣ нельзя грамотно перевести на русскій языкъ. Этика, онтологія, космологія, антропология — лишены крыльевъ слова!

Наука. «Они все плодятся» (вмѣсто всѣ). «В России много рек» (вмѣсто рѣкъ). «От сырости возникает прение» (вмѣсто «прѣніе»; кто же съ кѣмъ споритъ отъ сырости?). «Он не мог собрать вена» (вмѣсто вѣна); «лечу вены по венскому способу» (вм. лѣчу, вм. вѣнскому). «У вас опухла железа; в организме железа не хватает».

Стратегія. «Сведение о сведении дивизий еще не поступило». «Однородные вести редко приходят». «Все на палубу!» (вм. всѣ). «Откуда вести? Откуда вести?» (Въ первомъ случаѣ — вѣсти, во второмъ — вести). «Это не подлежит вашему ведению».

Политика. Изъ коммунистическихъ стенограммъ. Троцкій на XI създѣ: «В Западной Европе если победит ея пролетариатъ» (вм. ея). Зиновьевъ тамъ же: «международный рабочий класс оселъ» (вмѣсто осѣлъ). На XIV създѣ: «не все еще понимаютъ и не все еще верятъ» (вм. всѣ). Тамъ же, рѣчь Гусева: «будемъ ставить точки надъ «и» (вм. і). Рѣчь Курскаго на XV създѣ: «работа по статистикѣ должна быть поставлена у насъ на «ѣ». Голоса съ мѣсть: «читали все» (вм. всѣ). Наша цѣль — завоевать миръ» (вм. міръ). Конституція РСФСР статья 3: «к ведению органовъ» (вм. вѣдѣнію). Изъ газеты «Новое Русское Слово» от 12.1.1942: «Мы — все. Нашъ верховный главнокомандующий, президент Рузвельтъ, можетъ быть уверенъ, что за нимъ идемъ мы все!».

Погибшія русскія пословицы. «У богатого мужика — все в долгу (вм. всѣ), у богатого барина — все в долгу». «Лес лесомъ, а бесъ бесомъ». «Сперва дележъ, а после телешъ». «Какая же честь, если нечего есть». «На миръ беда, а воеводе нажитокъ». «И глухъ и немъ, грѣха не вемъ». «Передъ судомъ все равны, все безъ откупа виноваты». «Миръ на дело сошелся — виноватого опить». «Воръ попалъ, а миръ пропалъ». «Дошелъ тать в цель, ведутъ его на рель». «Ищи на казнѣ, что на орлѣ, на правомъ крылѣ». «Очи ушейъ вернее». «Кто в морѣ не тонулъ, да детей не рожалъ, тотъ от сердца богу не маливался».

Искаженные русскіе классики. Безсмысленны всѣ стихотворенія, поющія о мірѣ и мірозданіи; исчислить ихъ невозможно. Вотъ образцы. Пушкинъ: «И мощная рука к нему с дарами мира — Не простирается изъ-за пределовъ мира». Лермонтовъ: «Но я безъ страха жду довременный конецъ — Давно пора мнѣ миръ увидѣть новый». Тютчевъ: «Есть некій часъ всемирного молчанья». «На миръ таинственный духовъ». «С миромъ дремлющимъ смешай». «Счастливъ, кто посетилъ сей миръ» и др. Борогынскій: «Твой миръ, увы, могилы миръ печальный»... «На что вы, дни! Юдольный миръ явленья — Свои не изменит! — Все ведомы, и только повторенья — Грядущее сулитъ».

А вотъ и инья искаженія. Говоря о «младыхъ дѣвахъ», Пушкинъ рифмуетъ «странѣ» и «онѣ»; по кривописанію эта рифма гибнетъ («они» вм. онѣ). «Ее ланиты оживлялись» (вм. ея), «Ее ничтожность разумею» (вм. ея). Тютчевъ рифмуетъ «ея» и «я» («Исторглось изъ груди ея — И новый миръ увидѣлъ я»). О мечтахъ: «Пускай в душевной глубинѣ — И всходятъ и зайдутъ они». У Мея гибнетъ цѣлое стихотвореніе, вдохновленное Викторомъ Гюго и вдохновившее Рахманинова на прелестный романсъ: «Опросили они» (мужчины) ...«онѣ отвѣчали» (женская мудрость, утѣляющая мужское недоумѣніе). По кривописанію — «они» спрашиваютъ и «они» же отвѣчаютъ.

У Пушкина: «Все говорятъ нетъ правды на землѣ»... «Делибашъ уже на пикѣ» (пикѣ — есть особая хлопчатобумажная ткань; вм. пикѣ). Изъ письма Гоголя къ И. И. Дмитріеву: «в дорогѣ занимало меня только небо, которое, по мере приближенія къ югу, становилось синее и синее (вм. синѣ). Гоголь пишетъ Языкову: «отныне взоръ твой долженъ быть светло и бодро вознесенъ горѣ (вм. горѣ); «немки... все, сколько ни есть, вяжутъ чулокъ»; «в пищѣ есть побольше мясного» (вм. ѣсть); «благословенный воздухъ ея уже дохнулъ» (вм. ея); «причина... вне... нашего веденія»... Достоевскій: «думалъ... вернуться, но удержался от неведенія» (вм. невѣдѣнія). Мусоргскій: «горе вознестися» (вм. горѣ). Лѣсковъ: «а козочку я подоилъ и ея молочкомъ началъ дитя питать». Бальмонтъ: «ты легкая волна, играющая в морѣ» (вм. «въ чемъ»? — «во что» — такъ играютъ въ теннисъ, въ шахматы, в морѣ). Айвазовскій назвалъ свою картину «На морѣ» (гдѣ?); изъ этого сдѣлано «На морѣ» (куда?).

Ко всему этому надо добавить, что новое кривописаніе искажаетъ и подрываетъ ту драгоценную внутреннюю работу, которую каждый изъ насъ продѣлываетъ надъ осмысливаніемъ словесныхъ корней. Прочтя слово «вѣщій», мы ассоціируемъ по смыслу къ «вѣщунья», «вѣдѣти», «вѣдѣніе»; но прочтя слово «вещий» мы будемъ ассоціировать въ безсмыслицу къ «вещь», «вещественный». Что значитъ «вещий Олегъ»? Ничего не значитъ! Прочтя слово «пение», мы будемъ ассоціировать къ «пень», «пеня», «пенька», «пеньтюхъ»... Ближайшая ассоціація къ «намереніе» будетъ «меринъ»; къ «присми-

рев» — «ревъ»; къ «бессовестный» — «бѣсь» и «вести»; къ «беда» — «бедуинъ», «бидонъ», «бедламъ»; къ «тело» — «телокъ», «телиться»; къ «поместье» — «мести», «месть», но отнюдь не къ мѣсто; къ левша» — «левъ» и «вошь»... И такъ черезъ всю смысловую работу ассоціацій, которою живетъ и творится всякій языкъ.

Зачѣмъ всѣ эти искаженія? Для чего это умопомрачающее сниженіе? Кому нужна эта смута въ мысли и въ языковомъ творествѣ?

Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: все это нужно врагамъ національной Россіи. Имъ; именно имъ, и только имъ.

КАКЪ ЖЕ ЭТО СЛУЧИЛОСЬ?

(Заключительное слово о русскомъ національномъ правописаніи).

Если мы попытаемся подвести итоги всему тому, что необходимо сказать противъ «новой орѳографіи», то мы произнесемъ ей окончательный приговоръ: она должна быть просто отмѣнена въ будущемъ и замѣнена тѣмъ правописаніемъ, которое вынашивалось русскимъ народомъ съ эпохи Кирилла и Меѳодія. И это будетъ не «реакціей», а возстановленіемъ здоровья, смысла и художественности языка.

Напрасно намъ стали бы указывать на то, будто бы мы защищаемъ прежнее правописаніе изъ политической вражды къ большевизму. Эту инсинуацію произнесъ когда-то г. Айхенвальдъ въ берлинской газетѣ «Рудль». Вѣрно какъ разъ обратное. Если бы новую орѳографію ввела русская національная монархическая власть (чего она, конечно, никогда бы не сдѣлала!), то мы стали бы защищать прежнее правописаніе съ той же энергіей; а вотъ защитники новой орѳографіи, дѣйствительно, политиканствуютъ съ нею, придавая ей значеніе «пріятія революціи» «закапыванія рва» или «спуска на полозьяхъ». Съ другой стороны, если бы коммунисты вернули прежнее правописаніе (чего они, конечно, никогда не сдѣлаютъ!), то мы отнюдь не стали бы врагами спасеннаго правописанія, ни сторонниками коммунизма. Приписывать намъ политизацію всѣхъ критеріевъ духовной культуры — есть сразу инсинуація и пошлость. Вопросъ же правописанія рѣшается не пристрастіемъ и не гнѣвомъ, а художественнымъ чувствомъ родного языка и отвѣтственной аналитической мыслью.

Мы отлично знаемъ, что революціонное кривописаніе было введено не большевиками, а временнымъ правительствомъ. Большевики сами привыкли къ прежнему правописанію: всѣ эти Курскіе, Чубари, Осинскіе, Бухарины продолжали въ своихъ рѣчахъ «ставить точки» на отмѣненное «і» и требовать, чтобы коммунисты все знали на отмѣненное «ѣ». Даже Ленинъ писалъ и говорилъ въ томъ смыслѣ, что старое правописаніе имѣло основаніе различать «міръ» и «миръ» (Изд. 1923 г. т. XVIII, ч. 1, стр. 367). Нѣтъ, это дѣло рукъ проф. А. А. Мануйлова («министра просвѣщенія») и О. П. Герасимова («тов. мин. просв.»). Помню, какъ я въ 1921 году въ упоръ поставилъ Мануйлову вопросъ, зачѣмъ онъ ввелъ это уродство; помню, какъ онъ, не думая защищать содѣянное, безпомощно сослался на настойчивое требованіе Герасимова. Помню, какъ я въ 1919 году поставилъ тотъ же вопросъ Герасимову и какъ онъ, сославшись на Академію Наукъ, разразился такою грубою вспышкой гнѣва, что я повернулся и ушелъ изъ комнаты, не желая спускать моему гостю такіа выходки. Лишь позднѣе узналъ я, членомъ какой международной организаціи былъ Герасимовъ.

Что же касается Академіи Наукъ, то новая орѳографія была выдуманна тѣми ея членами, которые, не чувствуя художественности и смысловой органичности языка, предавались формальной филологіи. Эта формализація есть язва всей современной культуры: утративъ вѣру, а съ нею и духовную почву, оторвавшись отъ содержательныхъ корней бытія, современные «дѣятели» выдвинули формальную живопись, фор-

мальную музыку, формальный театр (Мейерхольд), формальную юриспруденцію, формальную демократію, формальную филологію. И вотъ, новая орѳографія есть продуктъ формальной филологіи и формальной демократіи, т. е. демагогія. Въ Академіи Наукъ совсѣмъ не было общаго согласія по вопросу о новой орѳографіи, а была энергичная группа формалистовъ, толковавшихъ правописаніе, какъ нѣчто условное, относительное, беспочвенное, механическое, почти произвольное, не связанное ни со смысломъ, ни съ художественностью, ни даже съ исторіей языка и народа. Знаю случайно, какъ они собирали подписи подъ своей выдумкой, нажимали на академика А. А. Шахматова, который, чтобы отвязаться, далъ имъ свою подпись, а потомъ при большевикахъ продолжалъ печатать свое сочиненіе по старому правописанію. Свидѣтельству о томъ негодованіи, съ которымъ относились къ этому кривописанію такіе ученые знатоки русскаго языка, какъ академикъ Алексѣй Ивановичъ Соболевскій, лекціи котораго по «Исторіи русскаго языка», по словамъ того же Шахматова, «получили значеніе послѣдняго слова исторической науки о русскомъ языкѣ — у насъ, и за границей». Свидѣствую о такомъ же негодованіи всѣхъ другихъ московскихъ филологовъ, изъ коихъ знаменитый академикъ Ф. Е. Коршъ, разразился эпиграммой: «Старинѣ я буду вѣренъ, — Съ дѣтства чтить ее привыкъ: — Обезичень, обезъерень. — Обезъятень нашъ языкъ». Такіе ученые, какъ академикъ П. Б. Струве не называли «новую» орѳографію иначе, какъ «гнусною»...

Для чего же это кривописаніе выдумывалось, ради чего вводилось? Публично выдвигали два соображенія: «новая орѳографія» проще и для народа легче... Эти аргументы воспроизводились въ эмиграціи и такими дилетантами-публицистами, какъ г. Ю. Айхенвальдъ. На самомъ же дѣлѣ эти аргументы совершенно неосновательны.

Вотъ данныя опыта. Одинъ русскій ученый славистъ, членъ-корреспондентъ Россійской Академіи Наукъ, рассказывалъ мнѣ в 1922 году о результатахъ своего пятилѣтняго преподаванія въ гимназіи. Онъ предлагалъ ученикамъ: кто хочетъ, учись по старой орѳографіи, кто хочетъ — по новой; требовать буду съ одинаковой строгостью! И что же? Процентъ слабыхъ въ среднемъ счетѣ оказался одинаковымъ. Оказалось, что трудно вообще правило и его примѣненіе, независимо отъ того, что именно предписываетъ правило. Напрасно стали бы ссылаться на особыя затрудненія, вызываемыя буквою ѣ. Эти затрудненія были уже преодолены на чисто мнемоническомъ пути. Уже по всей Россіи циркулировала дешевенькая книжка въ стихахъ и съ картинками, гдѣ всѣ слова, требующія букву ѣ были включены въ текстъ: «Разъ бѣлка бѣса побѣдила — И съ тѣмъ изъ плѣна отпустила, — Чтобъ онъ ей отыскалъ орѣхъ». — Но дѣло было то въ апрѣлѣ — Въ лѣсу орѣхи не созрѣли» и т. д. Или еще: «Съ Днѣпра, съ Днѣпра ли нѣкто Глѣбъ, — Жилъ въ богадѣльнѣ дѣдъ-калѣка, — Не человекъ, поль-человекъ... — Онъ былъ и глухъ, и нѣмъ, и слѣпъ — ѣлъ только рѣпу, хрѣнъ и рѣдку»... и т. д. Запомнить эти стишки ничего не стоило; и учителю оставалось только пояснять корнесловіе и смысловловіе...

Одинъ русскій ученый говорилъ мнѣ: «Что они все твердятъ объ облегченіи? Пишемъ мы, образованные, и намъ прежнее правописаніе совсѣмъ не трудно; а необразованной массѣ важно читать и понимать написанное; и тутъ старое правописаніе, вѣрно различающее смыслъ, для чтенія и пониманія гораздо легче! А новое кривописаніе съетъ только безсмыслицу»...

Что же касается «упрощенія», то идея эта сразу противонаціональная и противокультурная. Упрощеніе есть угашеніе сложности, многообразія, дифференцированности. Почему же это есть благо? Правда, угашеніе искусственной, бессмысленной, безпредметной сложности даетъ экономію силъ: а растрчивать душевно-духовныя силы на мертвыя ненужности нелѣпо. Но «сложность» прежняго правописанія глубоко обоснована, она выросла естественно, она полна предметнаго смысла. Упрощать ее

можно только отъ духовной слѣпоты; это значить демагогически попирать и разрушать русскій языкъ, это вѣковое культурное достояніе Россіи. Это наглядный примѣръ того, когда «проще» и «легче» означаетъ хуже, грубѣе, примитивнѣе, неразвитѣе, бессмысленнѣе: или попросту — слѣпое варварство. Пустыня проще лѣса и города; не опустошить ли намъ нашу страну? Мычатъ коровой гораздо легче, чѣмъ писать стихи Пушкина или произносить рѣчи Цицерона; не огласить ли намъ російскія стогна коровьимъ мычаніемъ? Для многихъ пороки легче добродѣтели и сквернословіе легче краснорѣчія. Безвольному человѣку безпринципная уступчивость легче идейной поддержки. Вообще проще не быть, чѣмъ быть; не заняться ли намъ, русскимъ, повальнымъ самоубійствомъ?

Итакъ, кривописаніе не легче и не проще, а бессмысленнѣе. Оно отмѣняетъ правила осмысленной записи и вводитъ другія правила — бессмысленной записи. Оно начало собою революціонную анархію. Во всякомъ культурномъ дѣланіи дорога идея правила, ибо воспитаніе есть отученіе отъ произвола и пріученіе къ предметности, къ смыслу, къ совѣсти, къ дисциплинѣ, къ закону. Правило не есть нѣчто неизмѣнное; но измѣнимо оно только при достаточномъ основаніи. Произвольное же ломаніе правила — вредно и противорѣчитъ всякому воспитанію; оно съетъ анархію и развращаетъ; оно подрываетъ самый процессъ регулированія, совершенствованія, самую волю къ строю, порядку и смыслу. Здѣсь произволь ломаетъ самое чувство правила, уваженіе къ нему, довѣріе къ нему и желаніе слѣдовать ему. Введеніе же бессмысленныхъ правилъ есть прямой призывъ къ произволу и анархіи.

Вотъ именно это и учинило новое кривописаніе. Здоровая часть русской интеллигенціи не приняла его и отвергла. Сдѣлалось два «правописанія». Старое стали забывать, новому не научились. Возникло третье правописаніе — отбросившее твердый знакъ, но сохранившее ять. Надо ждать четвертаго, которое отброситъ ять и сохранитъ твердый знакъ. Скажемъ же открыто и точно: никогда еще русскіе люди не писали такъ безграмотно, какъ теперь; ибо въ XVII и въ XVIII вѣкѣ — искали вѣрнаго начертанія, но еще не нашли его, а теперь отвергли найденное и разнуждали себя орфографически. Тогда еще учились различать «ять» съ «естемъ», и не были увѣрены; а теперь, ссылаясь на свою малую образованность и на лѣнь, узаконили смысловое всесмѣшеніе. «Намъ», видите ли, «некогда и трудно» изучать свою русскую, «слишкомъ сложную» орфографію!.. Хорошо, господа легкомысленные лѣнтяи! За это вы будете надрываться надъ изученіемъ и усвоеніемъ гораздо болѣе сложныхъ иностранныхъ орфографій, — французской, англійской и нѣмецкой; — чужіе языки возьмутъ у васъ все то время, котораго у васъ «не хватало» на изученіе своего, русско-національнаго, осмысленнаго правописанія; ибо тутъ иностранные народы не будутъ принимать во вниманіе вашу лѣнь, ваше «некогда» и «трудно». И напрасно кое-кто въ эмиграціи выдвигаетъ то обстоятельство, что при господствѣ прежней орфографіи были слова со спорнымъ «е» и съ неувѣреннымъ «ѣ»; не проще ли въ виду этого поставить всюду безспорное «е»? Но вѣдь есть не мало людей съ неувѣренной мыслью, честностью и нравственностью... Такъ не проще ли не искать ни смысла, ни вѣрности, ни честности, а водворять прямо бессмыслицу, безчестіе и развратъ: по крайней мѣрѣ, все будетъ опредѣленно, ясно, просто и легко... Да, исторически была шаткость; но ее успѣшно и осмысленно преодолевали, до тѣхъ поръ, пока не рѣшили покончить съ культурой языка и провалиться въ варварство.

Правъ былъ князь С. Н. Трубецкой, когда писалъ («Ученіе о Логосѣ», стр. 5): «слово есть не только способъ выраженія мысли, но и способъ мышленія, само-объективированіе мысли». Правъ былъ и князь С. М. Волконскій, когда настаивалъ на томъ, что смѣшеніе родовъ, падежей, степеней сравненія и т. д. вызываетъ къ жизни «возвратное зло»: дурное правописаніе рождаетъ дурное мышленіе. Замѣчательнѣйшій знатокъ русскаго языка В. И. Даль писалъ въ своемъ «Толковомъ Словарѣ»: «Надо... сохранятьъ

такое правописание, которое бы всегда напоминало о родѣ и племени слова, иначе это будетъ звукъ безъ смысла» (томъ 1, стр. 9). И именно въ этомъ единственно вѣрномъ языковомъ руслѣ движется новѣйшій изслѣдователь русскаго правописанія И. И. Костючикъ въ своемъ сочиненіи «Нашествіе варваровъ на русскій языкъ». «Не реформа была проведена, а искаженіе, коверканіе русскаго языка, и при этомъ — умышленное», отрывъ русскаго языка отъ его церковно-славянскихъ корней, денаціоналізація русскаго письма, русской этимологіи, фонетики, русскаго мышленія...

И. С. Шмелевъ передаетъ, что одинъ изъ членовъ російской орфографической комиссіи сказалъ: «старо это новое правописание, оно искони гнѣздилось на заднихъ партахъ, у лѣнтяевъ и неспособныхъ»... И именно ученые академики поспѣшили этимъ безграмотнымъ лѣнтяямъ на помощь: прервали всенародную творческую борьбу за русскій языкъ, отреклись отъ ея вѣковыхъ успѣховъ и завоеваній и революціонно снизили уровень русской литературы. Этимъ они попрали и смысловую, и художественную, и органическую природу языка. Ибо строгое соотвѣтствіе звука и записи выговариваемому смыслу есть дѣло художественнаго всенароднаго исканія ирраціональнаго (какъ всякое искусство!) и органическаго (какъ сама народная жизнь!).

И вотъ, въ отвѣтъ этимъ разсудочнымъ формалистамъ и беспочвенникамъ, мы должны сказать: писанный текстъ не есть дѣло произвола; онъ есть живая риза смысла, точный знакъ разумѣмаго, художественное выраженіе духа. Правописание есть продуктъ многолѣтней борьбы народа за свой языкъ; оно есть сосредоточенный итогъ его семейстики, фонетики, грамматики, символики и аллегорички — въ отношеніи къ предметамъ и въ духовномъ общеніи людей. Мудро сказалъ Апостоль Павелъ, что люди общающіеся другъ съ другомъ внѣ взаимнаго разумѣнія, суть другъ другу варвары (1 Кор. 14:11). Не для того русскій народъ бился надъ своимъ языкомъ, чтобы горсточка революціонныхъ «академиковъ» сорвала всю эту работу взаимнаго духовнаго разумѣнія.

Правописание имѣетъ свои историческія, конкретныя и въ то же время философическія и національныя основы. Поэтому оно не подлежитъ произвольному слову, но лишь осторожному, обоснованному преобразованію; совершенствованію, а не разрушенію. Пусть же нарушители русской національной орфографіи получаютъ навѣки прозвище «друзей безграмотности» или «сподвижниковъ хаоса»; и пусть первымъ актомъ русскаго національнаго Министра Просвѣщенія будетъ возстановленіе русскаго національнаго правописанія.